

ТКАЧ

ТКАНЬ ЖИЗНИ. НИТИ СУДЬБЫ.

АЛИНА ШУЛЬГИНА

КОГДА НИТИ ПАМЯТИ СПЛЕТАЮТСЯ С СУДЬБОЙ,
ТЫ СТАНОВИШЬСЯ АВТОРОМ СВОЕЙ ИСТОРИИ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

18+

Алина Шульгина

Ткач. Ткань жизни. Нити судьбы.

«Автор»

2026

Шульгина А.

Ткач. Ткань жизни. Нити судьбы. / А. Шульгина — «Автор», 2026

Одна ошибка способна разрушить жизнь. Но что, если у тебя есть шанс соткать её заново? Алиса — талантливый дизайнер, чья жизнь была полна красок и планов, пока одна роковая ночь не превратила её в тень самой себя. Дождь, скользкая дорога, чужой крик — и вот уже год она не может спать, видит лица погибших и задыхается от чувства вины, которое стало её вечным спутником. Когда надежда почти угасла, на пороге появляется загадочный Глеб, предлагающий «исцеление». Его метод — уникальная технология, позволяющая погрузиться в глубины собственного сознания и буквально переплести нити своей жизни. Цена — довериться системе, которая знает о тебе всё. Это история о том, что прощение — не роскошь, а необходимость. О том, что даже самые страшные узлы можно распутать, если хватит мужества посмотреть им в лицо. Роман о надежде, исцелении и о том, что настоящая жизнь всегда находится там, где мы учимся дышать заново.

© Шульгина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алина Шульгина

Ткач. Ткань жизни. Нити судьбы.

Глава 1

Осенний дождь лил уже четвёртые сутки подряд. Серое, свинцовое небо нависало над городом, как тяжелая, влажная простыня, из которой никак не удавалось выжать воду. Казалось, что весь этот огромный, шумный мегаполис погрузился в липкую, беспросветную тоску, из которой нет и не может быть никакого выхода. Вода бесконечными мутными струями стекала по холодным стёклам окон, оставляя за собой длинные, извилистые дорожки, похожие на следы чьих-то горьких, неутраченных слёз. И от этого зрелища на душе становилось ещё более тоскливо и одиноко, словно весь мир оплакивал что-то важное, что было безвозвратно потеряно.

Алиса сидела на широком подоконнике своей маленькой съёмной квартиры на пятом этаже старого панельного дома. Она поджала под себя озябшие ноги и плотнее куталась в старый, выцветший плед, который уже давно потерял свой первоначальный клетчатый узор и стал таким же серым и безликим, как и всё вокруг. Она безучастно смотрела на эту бесконечную водяную пыль, которая окутывала дома, деревья, машины и редких прохожих, превращая их в размытые, нечёткие тени, плывущие в молочном тумане. Она невидящим взглядом скользила по привычному, до боли знакомому пейзажу, но мысли её были где-то далеко, в том страшном прошлом, которое она так отчаянно пыталась забыть, но которое с упорством, достойным лучшего применения, возвращалось к ней каждую ночь.

В руках она держала старую керамическую кружку, которую купила ещё в студенческие годы на какой-то ярмарке. На ней был изображён забавный ёжик, но краска уже давно стёрлась, и теперь можно было разглядеть лишь его смутные очертания. Чай в кружке давно остыл и стал горьковатым и противным на вкус, но она даже не замечала холода, исходящего от керамики, потому что внутри неё самой было так ледяно и пусто, что никакой, даже самый горячий и сладкий чай не смог бы согреть её околоченную душу. Она механически поднесла кружку к губам, сделала крошечный глоток, поморщилась от горечи и поставила её обратно на подоконник, рядом с мокрым, запотевшим стеклом.

Она перевела взгляд на свои собственные руки, которые лежали у неё на коленях. Пальцы были бледными, почти прозрачными, с чуть посиневшими, неаккуратно обкусанными ногтями. Она постоянно грызла их, когда нервничала, а она нервничала почти всегда, с тех пор как случилось то, что перевернуло её жизнь. Она нервничала каждое утро, когда просыпалась от резкого, противного звука будильника и видела в тусклом зеркале ванной своё осунувшееся, бледное лицо с глубокими, тёмными кругами под глазами. Эти круги не проходили уже больше года, сколько бы она ни спала, какие бы дорогие кремы ни покупала, сколько бы раз ни пыталась убедить себя, что всё наладится. Она нервничала, когда выходила из дома и оказывалась в переполненном вагоне метро, где тысячи незнакомых, равнодушных тел прижимались к ней со всех сторон, лишая её личного пространства, свежего воздуха и какой-либо свободы. Каждая поездка превращалась в настоящее испытание для её и без того расшатанной психики. Она нервничала, сидя в своём маленьком офисе, где работала графическим дизайнером. Она смотрела на ярко светящийся монитор, но не могла сосредоточиться на простых задачах, потому что в голове у неё постоянно, как заевшая пластинка, звучал один и тот же ужасный звук: пронзительный скрежет гнущегося металла, оглушительный звон разбивающегося стекла, чей-то отчаянный, полный боли и ужаса крик, который она не могла заглушить ни музыкой, ни разговорами коллег, ни привычным рабочим шумом.

Она нервничала каждый вечер, когда ложилась спать, потому что знала наверняка: через несколько часов, как только она провалится в тёмную бездну сна, она снова окажется в той проклятой машине, снова увидит их лица, искажённые ужасом перед лицом неминуемой гибели, и снова услышит их последние слова, которые она так и не смогла разобрать, но которые преследовали её, как жестокое, неумолимое проклятие, от которого нет спасения. Она просыпалась каждую ночь в холодном поту, с криком, застревающим в горле, и долго лежала в темноте, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца, пока не начинало светать.

Она с силой поставила остывшую кружку на подоконник и провела дрожащей ладонью по холодному, запотевшему стеклу, стирая конденсат. На мгновение мир за окном стал чуть более чётким, но ненадолго. Стекло снова запотело, и всё опять расплылось в молочной дымке. Алиса вздохнула и откинулась на подоконник, прислонившись спиной к холодной стене. Она начала думать о том, как кардинально изменилась её жизнь за последние двенадцать долгих, мучительных месяцев.

Раньше, до той роковой ночи, она была совершенно другим человеком. Она была живой, настоящей, полной энергии и радости. Она искренне смеялась, легко и беззаботно, так, что у неё начинали болеть щёки и живот. Она регулярно встречалась с друзьями в шумных кафе и уютных кинотеатрах, строила смелые планы на будущее, мечтала о путешествиях в далёкие страны и о новых профессиональных свершениях. Она была уверена в себе, в своём профессиональном будущем, в своих отношениях с близкими людьми. Она наивно и самоуверенно думала, что держит всё под контролем, что легко справляется со всеми проблемами, которые подкидывает ей жизнь, что она сильная и независимая женщина, которой нипочём любые трудности. Но та ужасная авария всё изменила в одно мгновение. Оно длилось всего несколько секунд, но эти секунды разрушили всё, что она строила годами. Авария жестоко уничтожила её веру в себя, разрушила её наивное доверие к миру, в котором добро всегда побеждает зло, и разбила вдребезги её надежду на то, что всё будет хорошо, стоит лишь немного потерпеть.

Теперь же она была лишь бледной, призрачной тенью самой себя. Женщиной, которая боится собственного отражения в зеркале, потому что в нём она видит не себя прежнюю, счастливую и уверенную, а тех двоих, чьи жизни она оборвала в ту холодную, дождливую ночь. Она не могла смотреть на своё лицо без содрогания. Ей казалось, что в её глазах навсегда застыл тот ужас, который она видела в их глазах в последний миг. Она избегала зеркал, а когда не удавалось, старалась смотреть в сторону, не задерживая взгляд на своём отражении.

Она не хотела признаваться в этом даже самой себе, прятала эту мысль глубоко в подсознании, заваливала её другими мыслями, работой, бессонными ночами, но она знала горькую правду, которая разъедала её изнутри, как кислота. Она знала, что виновата. Она была за рулём своего автомобиля, она сознательно превысила скорость на мокрой, скользкой от дождя дороге, она не заметила их машину вовремя, не справилась с управлением и вылетела на встречную полосу. Она убила их. Двоих совершенно незнакомых людей, у которых была своя, полная надежд и планов жизнь, свои собственные, дорогие им мечты, свои любящие близкие, которые теперь навсегда лишились самого дорогого. Она отняла у них всё, безвозвратно и жестоко, и теперь она должна была жить с этим страшным знанием. Жить с этой неподъемной тяжестью вины, с этой непреходящей болью, которая разрывала её сердце на части, с этим мучительным ощущением, что она не имеет ни малейшего права быть счастливой, пока они мертвы и никогда больше не увидят солнца, не обнимут своих родных, не смогут жить своей жизнью.

Она часто представляла себе их лица, их улыбки, их голоса, которых никогда не слышала. Она придумывала им биографии, представляла, как они познакомились, как полюбили друг друга, как строили планы на совместное будущее. Она знала, что они собирались пожениться, что у них был куплен билет в свадебное путешествие. Она знала, что у них были родители, которые теперь каждый день приходят на кладбище и разговаривают с холодными камнями. И

от этого знания становилось ещё невыносимее. Она хотела умереть вместо них, но смерть не приходила к ней, оставляя её жить с этой мучительной ношей.

Она с трудом поднялась с подоконника. Ноги затекли и онемели от долгого сидения в неудобной позе. Она постояла несколько секунд, восстанавливая кровообращение, и медленно подошла к письменному столу, который стоял у противоположной стены. На столе, словно зловещий талисман, лежал её мобильный телефон. Экран мгновенно загорелся от её прикосновения, и она увидела короткое, но такое весомое сообщение от Глеба: «Приходи завтра. Время пришло».

Она перечитала эти несколько слов бесчисленное количество раз, пытаясь угадать, что именно он имеет в виду. Время пришло для чего? Для того, чтобы она наконец-то перестала мучиться и обрела долгожданный покой? Для того, чтобы она нашла способ избавиться от этого всепоглощающего чувства вины, которое отравляло каждую минуту её существования? Или же для чего-то более тёмного, более опасного и пугающего, о чём она боялась даже думать, но что невольно приходило ей в голову, когда она вспоминала пронизательный взгляд Глеба? Она не знала ответа, но она знала твёрдо и определённо: она должна пойти. У неё просто не было иного выбора. Она больше не могла существовать в этом аду, который сама для себя создала.

Она посмотрела на фотографию, стоящую на столе. На ней была она, счастливая и улыбающаяся, в окружении друзей. Снимок был сделан за несколько месяцев до аварии. Тогда она ещё смеялась, тогда она ещё верила, что жизнь прекрасна. Она провела пальцем по стеклу, стирая тонкий слой пыли, и почувствовала, как к горлу подступает комок. Она быстро отвернулась, не в силах больше смотреть на ту, прежнюю Алису.

Она бессильно опустилась на край широкой кровати, которая стояла в углу комнаты. Кровать была не заправлена, одеяло сбилось в комок, подушка лежала на полу. Она не убиралась в квартире уже несколько недель. Ей было всё равно. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Она предприняла попытку уснуть, хотя прекрасно знала, что это абсолютно бесполезно. Она лежала в полной темноте, напряжённо прислушиваясь к глухому стуку собственного сердца, и снова и снова прокручивала в голове мысли о том, что принесёт ей завтрашний день. Что именно скажет ей Глеб? Что он покажет ей в своей странной, пугающей системе? Сможет ли он действительно облегчить её страдания и помочь ей? Или же это будет очередным жестоким разочарованием, как и всё остальное, что она пыталась делать, чтобы забыться и унять душевную боль? Она не знала ответов, но была готова рискнуть. Потому что хуже, чем сейчас, уже быть просто не могло.

Ночь прошла в мучительной, тревожной дреме. Она просыпалась каждые несколько часов, покрытая липким, холодным потом, с отчаянным криком, который застревал в её горле, не в силах вырваться наружу. Каждый раз ей снился один и тот же кошмарный сон. Тёмная, мокрая дорога, слепящий свет фар, оглушительный удар, а затем звенящая, абсолютная темнота. И, самое страшное, лица. Она видела их лица с такой пугающей ясностью, будто они стояли прямо перед ней, живые и настоящие. Они пристально смотрели на неё, и в их глазах не было ни ярости, ни осуждения, а только бесконечная, глубокая боль от несправедливо оборванной жизни. И она просыпалась с этим ужасным, грызущим чувством, что она должна была умереть вместо них, что она совершенно недостойна жить и дышать этим воздухом.

Она вставала, шла на кухню, пила холодную воду прямо из-под крана, смотрела на своё отражение в тёмном окне и не узнавала себя. Она была похожа на призрака, на бесплотную тень, которая случайно забрела в мир живых. Она ложилась обратно, но сон больше не приходил. Она лежала, уставившись в потолок, и ждала рассвета.

Когда наконец наступило серое, хмурое утро, она почувствовала себя совершенно разбитой, обессиленной до предела. Её тело ломило, голова гудела, но она заставила себя встать с постели, принять контрастный душ, чтобы хоть немного взбодриться, и тщательно одеться. Она выбрала строгое чёрное платье, которое купила несколько месяцев назад, но так ни разу и не надела, потому что оно казалось ей слишком мрачным и траурным. Оно висело в шкафу с биркой, и она долго смотрела на него, прежде чем решиться надеть. Она собрала свои непослушные волосы в тугую, строгий пучок и накрасила губы тёмной, почти бордовой помадой, чтобы выглядеть старше, увереннее и серьёзнее, чем она себя чувствовала на самом деле. Она придиричиво посмотрела на себя в большое зеркало в прихожей и едва узнала женщину, которая смотрела на неё оттуда. Она выглядела как совершенно чужая, незнакомая личность, готовящаяся к собственным похоронам. И, возможно, так оно и было. Возможно, она действительно шла на похороны своей старой, безвозвратно ушедшей жизни, которая закончилась в ту роковую ночь.

Она вышла из подъезда, и холодный, пронизывающий дождь всё ещё лил, не переставая. Он хлестал по лицу, смешиваясь со слезами, которые она не могла сдержать. Она укрылась под широким козырьком, защищающим от ветра, и принялась ждать вызванное такси, рассеянно глядя на то, как тяжелые капли воды падают на мокрый, блестящий асфальт, разбиваясь на тысячи мельчайших брызг. Ей вдруг показалось, что этот бесконечный, унылый дождь не закончится никогда, точно так же, как не закончатся её собственные мучения. Она села в подъехавшую машину, коротко назвала водителю адрес, который дал ей Глеб, и весь долгий путь молчала, уставившись в мокрое окно на проплывающий мимо серый, безликий город, который казался ей теперь чужим, враждебным и совершенно незнакомым.

Таксист, пожилой мужчина с усталыми, мудрыми глазами и благородной сединой на висках, несколько раз предпринимал робкие попытки завести непринуждённый разговор. Он вежливо интересовался, не холодно ли ей в салоне, не включить ли ей дополнительную печку, не сделать ли музыку потише. Алиса отвечала ему односложно, сухо и отстранённо, не поворачивая головы от окна, и в конце концов он замолчал, мудро поняв, что разговора не получится. Она была искренне благодарна ему за это спасительное молчание. Она отчаянно нуждалась в том, чтобы побыть наедине с собой, со своими тяжёлыми, давящими мыслями, со своим страхом, который с каждой минутой, с каждым новым поворотом колёс, с каждым метром приближал её к месту, где должна была решиться её дальнейшая судьба.

Город за мокрым стеклом такси казался абсолютно чужим. Она прожила в нём всю свою сознательную жизнь, но теперь он казался ей далёким и незнакомым, как будто она смотрела на него сквозь толстое, мутное стекло, которое искажало все краски и очертания. Люди, спешащие по мокрым тротуарам, бесконечные потоки машин, яркие вывески магазинов, мокрые, поникшие деревья — всё это было частью какого-то другого, параллельного мира, из которого она выпала почти год назад. Она чувствовала себя бледным, бесплотным призраком, который безмолвно бредёт по безлюдным улицам, не оставляя следов, не замечая окружающих и не будучи замеченной ими. Она чувствовала себя абсолютно пустой, выпотрошенной, лишённой всего самого важного, что когда-то делало её живой и настоящей.

Она вдруг вспомнила, с какой страстью она раньше любила этот шумный, суетливый город. Она любила его вечное движение, его энергию, его многоголосие. Она любила бесцельно гулять по красивой набережной, часами сидеть в уютных кафе, смотреть на прохожих, придумывая им интересные, необычные истории. Она любила свою работу, дающую ей чувство независимости, свою уютную квартиру, своих верных друзей, готовых прийти на помощь в любую

минуту. Она любила саму жизнь, во всех её проявлениях. А теперь она не любила ничего. Даже себя. Особенно себя.

Она не заметила, как такси мягко остановилось у тротуара. Водитель что-то сказал, но она не расслышала его слов, погружённая в свои тяжёлые думы. Она машинально расплатилась по счётчику, поблагодарила, даже не глядя на сдачу, и вышла из машины, оказавшись перед высоким старым зданием, которое выглядело так, будто его построили ещё в позапрошлом веке и с тех пор ни разу капитально не ремонтировали. Массивные колонны с облупившейся штукатуркой, высокие, узкие окна, тяжелые дубовые двери с массивными, потемневшими от времени бронзовыми ручками. Всё это выглядело заброшенным и мрачным, но в то же время в этом была какая-то величественная, пугающая красота.

Алиса подняла голову и внимательно посмотрела на верхние этажи. Большинство окон были тёмными и безжизненными, заколоченными досками или завешенными грязными шторами. И только одно, на десятом этаже, слабо, призрачно светилось, словно чей-то одинокий глаз в ночи. Она внутренне знала, что это окно кабинета Глеба. Она никогда не была здесь ни разу, но почему-то была в этом абсолютно уверена. Она чувствовала, что этот свет зовёт её, манит, обещает что-то важное.

Она глубоко вздохнула, набравшись смелости, и, толкнув тяжёлую, скрипучую дверь, вошла внутрь старого здания. В просторном вестибюле было темно, сыро и пронизывающе холодно. Свет едва просачивался через грязные окна, создавая зловещие тени на полу. Пахло вековой пылью, старой, пожелтевшей бумагой и ещё чем-то сладковатым и одновременно тревожным, что она не смогла опознать, но что вызвало у неё невольное беспокойство. На облупившейся стене висела старая табличка с названием организации, но буквы на ней стёрлись, выцвели от времени, и прочитать их было решительно невозможно. Алиса окинула взглядом пустой холл и направилась к широкой мраморной лестнице, так как допотопный лифт, судя по всему, не работал уже много-много лет. Его двери были наглухо заперты, а кнопки вызова давно отсутствовали.

Она ступила на первую ступеньку и начала медленно, тяжело подниматься вверх. Ступеньки были неестественно высокими, их гладкий мрамор был вытерт посередине множеством ног, пошли глубокие трещины, в которых скопилась густая, серая пыль. Перила были шаткими и покрытыми ржавчиной, так что держаться за них было опасно. Алиса принялась считать ступени, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, которые роились в её голове. Она насчитала двести тридцать семь высоких ступеней, когда наконец с облегчением и одышкой оказалась на нужном этаже. Длинный, бесконечный коридор был покрыт старым, вытертым до дыр линолеумом, стены были выкрашены в унылый, казённый бледно-зелёный цвет, который вызывал у неё произвольную тоску. Лампы под потолком тускло мерцали, издавая противный гул. Она медленно, с тяжёлым сердцем, пошла по этому пустынному коридору, и каждый её шаг гулко, зловеще отдавался в абсолютной тишине, будто она была одна во всём огромном, безжизненном мире.

Дверь кабинета была массивной, дубовой, с тяжёлой бронзовой ручкой, которая ярко блестела в тусклом свете единственной лампы, свисающей с потолка. На двери была табличка с именем Глеба, выгравированная на старомодной медной пластине. Алиса машинально постучала три раза, как делала всегда, когда сильно нервничала, и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь и перешагнула порог.

Кабинет оказался совсем не таким, как она себе его представляла. Он был похож на старинный кабинет старого профессора из прошлого века: стены были обшиты благородными деревянными панелями, на окнах висели тяжёлые, бархатные шторы, в центре стоял огромный, массивный письменный стол, заваленный стопками книг, журналов и бумаг. На полу лежал вытертый, но всё ещё красивый персидский ковёр, в центре которого красовалась огромная дыра. В углу комнаты стоял огромный, старый книжный шкаф, забитый книгами с пожелтевшими, хрупкими страницами, а на одной из полок, к своему ужасу, Алиса заметила настоящий человеческий череп, который, по всей видимости, был самым настоящим. Рядом с черепом стояли старинные склянки с какими-то жидкостями и засушенные растения.

Глеб сидел за своим массивным столом, и, когда она вошла, он медленно поднял на неё свои пронизательные глаза. Он был худощавым, интеллигентным человеком с благородной сединой в волосах и глубокими, выразительными морщинами на лице, которые делали его значительно старше, чем он был на самом деле. Его глаза были необычного, серого, почти прозрачного цвета, и они смотрели на неё с каким-то странным выражением, которое она не могла прочесть. В них была и мудрость, и усталость, и какая-то странная, всезнающая печаль. Он был одет в простой, но дорогой тёмный костюм, и выглядел безупречно, несмотря на явные признаки усталости. Он не приветливо улыбнулся, не встал из-за стола, чтобы поприветствовать её. Он просто молча указал ей на старый, скрипучий стул напротив себя, и она, повинуясь безмолвному приказу, села.

В центре стола, прямо перед ним, лежал старый ткацкий челнок. Он был сделан из потемневшего от времени дерева, которое приобрело цвет тёмного, янтарного мёда. На ощупь он был гладким, идеально отполированным руками многих людей, с вытертыми до блеска краями. И с первого же мгновения Алиса почувствовала, как её взгляд прикован к этому странному предмету, как будто он обладал магической силой притяжения. Она смотрела на этот древний челнок, и ей начинало казаться, что он дышит, что он живой, что он хранит в себе чью-то чужую, древнюю, неизведанную память. Она изо всех сил пыталась отвести взгляд от него, но физически не могла этого сделать. Челнок словно гипнотизировал её, заставлял смотреть на него снова и снова.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, — наконец произнёс Глеб. Его голос был низким, бархатистым, с едва уловимой приятной хрипотцой. Он звучал уверенно и спокойно, но в нём чувствовалась скрытая сила. — Ты хочешь избавиться от этого убийственного чувства вины. Ты хочешь перестать видеть их искажённые лица каждую проклятую ночь. Ты хочешь жить нормальной, полноценной жизнью и больше не бояться собственной тени.

— Да, — ответила Алиса, и её голос предательски дрогнул, выдавая её внутреннее волнение. Она ненавидела себя за эту слабость, когда голос начинал дрожать, выдавая её страх. Она сглотнула и попыталась говорить твёрже. — Я просто хочу спать спокойно. Я хочу проснуться однажды утром и не чувствовать, что я обязана умереть вместо них, что я недостойна находиться среди живых.

Глеб понимающе кивнул, но не произнёс ни слова. Он взял в свои длинные, тонкие пальцы деревянный ткацкий челнок и начал ритмично вертеть его в руках. Его движения были плавными, завораживающими, как у искусного ткача, который создаёт на своём станке невестомое полотно. Челнок плавно скользил из стороны в сторону, описывая в воздухе едва заметные дуги, и Алиса не могла оторвать взгляда от этого гипнотического движения, чувствуя, как

её дыхание становится глубже и ровнее, а мышцы, скованные多月месячным напряжением, начинают понемногу расслабляться.

— Ты знаешь, что такое ткань? — спросил Глеб, не отрывая взгляда от мерцающего в его руках челнока. Его голос стал ещё более глубоким и проникновенным. — Это не просто полотно, не просто кусок материи. Это фундаментальная структура, это незыблемый порядок, это то, что связывает тысячи отдельных нитей в единое, гармоничное целое. Каждый из нас, людей, — это сложная ткань. Мы все сотканы из бесчисленных нитей памяти, страхов, желаний, надежд, разочарований и побед. Мы сознательно или бессознательно создаём уникальный узор своей собственной жизни, и этот узор определяет нас как личность, формирует нашу судьбу.

Он внезапно остановил завораживающее движение челнока и пристально, пронзительно посмотрел на неё. Его глаза, казалось, видели её насквозь, проникая в самые глубокие уголки её души, где она прятала свои самые страшные секреты. Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Но иногда наши ткани безжалостно рвутся, — продолжил он после короткой паузы, и голос его стал ещё более серьёзным. — Иногда мы совершаем непоправимые ошибки, и все нити нашей жизни спутываются в один тугий, болезненный узел. Иногда мы сами разрываем то, что должны были беречь и сохранять любой ценой. И тогда мы падаем, разбиваемся, теряем самих себя. Мы превращаемся в жалкие тени того, кем мы когда-то были. Это именно то, что случилось с тобой, Алиса. Твоя внутренняя ткань разорвалась в ту самую проклятую ночь, когда случилась авария. Ты отчаянно пыталась зашить её, но сделала это неправильно, неумело. Те узлы, которые ты завязала на скорую руку, не дают тебе дышать, сковывают твоё сердце. Ты должна найти в себе силы и мужество распутать их, чтобы наконец снова стать самой собой.

Он медленно протянул ей старый, тёплый ткацкий челнок, и она, подчиняясь внутреннему импульсу, взяла его в свои дрожащие ладони. Дерево приятно удивило её своим теплом, будто оно было живым и дышало в такт с ней. Она осторожно провела кончиками пальцев по его гладкой, отполированной поверхности, и в тот самый момент, когда её кожа коснулась старого дерева, она почувствовала, как по всему её телу пробежал лёгкий, но ощутимый электрический разряд. Голоса. Она вдруг отчетливо услышала голоса. Множество приглушённых, шепчущих голосов, которые нашептывали ей какие-то слова, которые она не могла разобрать слухом, но которые она понимала всем своим существом, всем своим сердцем.

— Что это? — с ужасом и изумлением прошептала она, широко раскрыв глаза. — Почему я их слышу? Откуда они берутся?

— Это голоса тех, кто был до тебя, — спокойно, но твёрдо ответил Глеб. — Пятеро страшных людей вошли в эту систему, и никто из них не вышел обратно, не смог пройти до конца. Они добровольно стали частью моего великого полотна. Они — прочные нити, которые я вплел в свою вечную ткань. И ты, Алиса, будешь шестой. Именно ты свяжешь их всех воедино, завершишь этот сложный, сакральный узор.

— Я не хочу связывать никого! — с отчаянием и паникой в голосе воскликнула она, пытаясь положить челнок обратно на стол, подальше от себя. — Я просто хочу выйти из этого кошмара. Я хочу стереть все это из своей памяти и забыть навсегда!

— Ты не можешь просто забыть, — твёрдо и непреклонно сказал Глеб, и в его голосе появились властные, стальные нотки. — Ты можешь только принять. Смириться с тем, что случилось. Принять, что ты жива, вопреки всем законам вероятности. Принять, что ты имеешь право жить дальше и быть счастливой. Моя система поможет тебе сделать этот нелёгкий шаг. Она наглядно покажет тебе твою собственную, уникальную ткань, твою подлинную жизнь, которую ты так старательно прячешь от себя. Ты увидишь все свои самые глубокие страхи, самые сокровенные желания, самые сильные надежды, и ты сможешь переплести их заново, создав новый, красивый и гармоничный узор.

Он медленно поднялся из-за стола. Его движения были плавными и уверенными. Он подошёл к стене, обшитой деревянными панелями, и нажал на едва заметную, скрытую кнопку. Часть стены бесшумно, словно по волшебству, отъехала в сторону, открывая проход в небольшую, стерильно чистую, ослепительно белую комнату. В центре этой комнаты стояло странное, массивное кресло, отдалённо напоминающее стоматологическое, со множеством тонких проводов и чувствительных датчиков, аккуратно свисающих с потолка. Комната была абсолютно стерильной, белой, без единого пятнышка, и воздух в ней был холодным, сухим и каким-то безжизненным. Алиса почувствовала, как её сердце бешено заколотилось в груди, а ладони мгновенно стали влажными и липкими от выступившего пота.

— Это не больно? — с дрожью в голосе спросила она, не сводя глаз со зловещего кресла.

— Это не боль, — мягко и успокаивающе ответил Глеб. — Это настоящее перерождение, Алиса. Это рождение тебя новой, свободной от оков прошлого. Это шанс начать всё сначала. Чистый лист.

Она медленно, словно в трансе, вошла в белую комнату и села в холодное, неприятное кресло. Глеб немедленно начал прикреплять к её вискам, запястьям и груди холодные металлические датчики. Она чувствовала, как они касаются её кожи, и ей казалось, что это прикосновение самой смерти. Она судорожно закрыла глаза и попыталась расслабиться, но её тело было напряжено, как натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент. Каждый мускул был сжат, зубы стиснуты.

Глеб склонился над ней, и его лицо оказалось совсем близко. Он пристально смотрел ей прямо в глаза, и на этот раз его взгляд был мягче и теплее, чем она могла себе представить. В нём была какая-то отеческая забота, которую она не ожидала увидеть.

— Помни, — прошептал он ей на ухо, и голос его звучал тихо, но проникновенно. — Ты — ткачиха. Ты сама, своей волей, создаёшь свой собственный узор. Не бойся рвать старые, мешающие тебе нити. Иногда, для того чтобы соткать прекрасное и новое, нужно безжалостно уничтожить отжившее и мешающее. Это твой путь. Только ты можешь пройти его до конца.

Он отошёл к пульту управления, который стоял в углу комнаты, и начал нажимать какие-то кнопки. Алиса услышала тихое гудение, которое постепенно нарастало. Она сделала последний глубокий вдох и закрыла глаза. Она почувствовала, как по всему её телу пробегает лёгкая, приятная дрожь, как мир вокруг неё начинает медленно, но неумолимо расплываться, терять свои чёткие очертания, как звуки становятся далёкими, приглушёнными и нереальными. Она чувствовала, как её сознание плавно отделяется от тела, как она медленно поднимается вверх, в бесконечную, тёмную пустоту. И в этой пустоте, уже на грани сна, она услышала его послед-

ние, напутственные слова: «Помни о первом. Артём ждёт тебя». А потом наступила абсолютная, звенящая тишина.

Тишина эта была не просто отсутствием звука. Она была живой, плотной, почти осязаемой, как холодная, глубокая вода, в которую погружаешься с головой, не в силах вынырнуть. Алиса совершенно не чувствовала своего физического тела. Она не ощущала ни рук, ни ног, ни своего дыхания, ни биения сердца. Она была лишь чистым сознанием, маленькой, одинокой точкой, парящей в бескрайней, бездонной пустоте. И эта пустота не была чёрной, как она ожидала, а была серой, тусклой, как бесконечное небо перед самым рассветом, или как старая, выцветшая от времени фотография, с которой стёрлись все краски и лица. Она была похожа на мир, в котором никогда не было солнца.

Она не имела ни малейшего понятия, сколько времени прошло. Может быть, всего одна секунда. А может быть, целая вечность. В этом сером, безвременном пространстве не существовало ни прошлого, ни будущего. Было только бесконечное, длящееся настоящее, которое не имело ни начала, ни конца. Она не чувствовала ни боли, ни страха, ни тревоги. Она не чувствовала абсолютно ничего. И это полное отсутствие каких-либо чувств было самым страшным, что ей приходилось когда-либо испытывать. Даже боль была лучше, чем это ледяное, абсолютное ничто.

Потом она вдруг услышала слабый, едва различимый звук. В этой оглушительной, гнетущей тишине он казался невероятно громким и отчетливым. Это был тихий, приятный шелест. Как будто кто-то невидимый медленно проводил сухой ладонью по мягкой, струящейся ткани. Или как будто нежный ветерок трепал листву старых деревьев в тихом лесу. Или как будто тысячи тонких, невидимых нитей мягко тёрлись друг о друга, создавая музыку, которую невозможно услышать обычными ушами, но можно почувствовать всем своим существом, всем своим сердцем. Этот звук был единственным, что связывало её с реальностью.

Звук этот становился всё громче, ближе, осязаемее. Алиса вдруг почувствовала, как что-то лёгкое, почти невесомое касается её лица. Это прикосновение было похоже на прикосновение тонкой паутины — нежное, щекочущее, едва уловимое. Она медленно, с огромным усилием, приоткрыла глаза. Свет, проникающий сквозь веки, был тусклым и ровным.

Она лежала на чём-то мягком и упругом. Это была не та земля, которую она знала с детства. Она была необычайно мягкой, как густая, пушистая шерсть, и она слегка колыбалась под ней, будто была живой, дышащей, даже когда ветра не было. Алиса, чувствуя странную, непривычную лёгкость в теле, медленно приподнялась на локтях и с любопытством огляделась вокруг. Вокруг неё простиралось бескрайнее, уходящее за горизонт поле, сплошь покрытое высокой, серебристой травой, которая переливалась и искрилась на свету, хотя самого источника света, как такового, не было видно. Небо над ней было ровным, серым, без единого облачка, без солнца, без луны и без звёзд. Оно было похоже на огромный лист плотной бумаги, который кто-то невидимый натянул над этим миром, и от этого ровного, немигающего, безжизненного света становилось немного не по себе.

Трава была на удивление мягкой и упругой, она приятно пружинила под её пальцами и шевелилась, как живая, даже от лёгкого прикосновения. Алиса провела по ней ладонью, чувствуя, как тонкие, прохладные стебли скользят между её пальцев, оставляя на коже ощущение приятной свежести и лёгкой влажности, хотя вокруг не было ни капли воды. Она поднесла мокрые пальцы к лицу и с любопытством понюхала их. Трава пахла странно, необычно — све-

жестью и одновременно старым, благородным серебром, как будто она была сделана из тончайшего металла, который сохранил в себе тепло далёкого, неведомого солнца. Этот запах был незнакомым, но приятным, успокаивающим.

Она с трудом попыталась встать на ноги, но они дрожали и не слушались. Она чувствовала странную, необъяснимую лёгкость во всём теле — как будто она потеряла половину своего привычного веса. Или, наоборот, обрела что-то новое, то, чего у неё никогда не было раньше. Она не могла подобрать слов для этого чувства, но оно было ей приятно. Впервые за очень долгое время она почувствовала себя по-настоящему свободной. Свободной от того груза, который давил на её плечи все эти мучительные месяцы. Она сделала несколько глубоких вдохов, наслаждаясь этим чувством.

Она сделала несколько неуверенных, но решительных шагов по этой необычной траве. Она упруго пружинила под её ногами, как мягкий, дорогой ковёр, и каждый её шаг оставлял за собой едва заметный, светящийся след, который таял и исчезал через несколько коротких секунд. Алиса уверенно пошла вперёд, не зная точно, куда она направляется, но чувствуя всем своим существом, что она должна идти. Какая-то неведомая сила неумолимо тянула её вперёд, к далёкому, туманному горизонту, где серебристая трава плавно сходилась с серым, бездонным небом в неясной, размытой дымке. Она понятия не имела, что её ждёт там, на горизонте, но она твердо знала, что должна дойти до него любой ценой. Это была не просто прогулка, это был её путь к спасению.

Она шла по полю, и вокруг неё, бесшумно покачиваясь, висели в воздухе бесконечные нити. Они свисали с самого неба, хотя было совершенно непонятно, к чему именно они там прикреплены. Их было бесчисленное множество — сотни, тысячи, миллионы, бесконечное множество. Они были самыми разными: тонкими, как паутинка, и толстыми, как верёвки, яркими, переливающимися всеми цветами радуги, и тусклыми, почти чёрными, как ночь. Они плавно покачивались в воздухе, будто их касался невидимый ветер, хотя ветра не было. Некоторые из них излучали мягкий, уютный свет, как тёплые свечи, другие были абсолютно чёрными, как куски угля, и от них веяло холодом и страхом. Алиса смотрела на них с замиранием сердца и понимала, что каждая из этих нитей — это часть её самой. Её сокровенные воспоминания, её тайные чувства, её глубокие страхи, её сокровенные надежды. Она была окружена самой собой, своей прошлой жизнью, всеми её радостями и горестями.

Она остановилась перед одной из нитей. Та была тонкой и серебристой, она мерцала и переливалась, как маленькая звезда, упавшая с далёкого неба. Алиса медленно, с замиранием сердца, протянула дрожащую руку и осторожно коснулась её кончиками пальцев. И в тот же самый миг мир вокруг неё мгновенно исчез, растворился в тумане, и она провалилась в яркое, живое воспоминание.

Она стояла в своей старой детской комнате. Ей было всего десять лет. Комната была маленькой, тесной, с обоями в розовый мелкий цветочек, которые уже начали пузыриться и отслаиваться по углам. На стене висел старый, пожелтевший календарь, который никто не удосужился сменить уже несколько лет, и узкая кровать была застелена старым одеялом с выцветшим, бабушкиным узором. В углу стоял старый плюшевый мишка с оторванной лапой, которого она так и не выбросила. Она сидела на полу, скрестив свои тонкие, детские ноги, и сосредоточенно складывала бумажные самолетики. Рядом с ней лежала аккуратная стопка разноцветной бумаги, которую она тайком украла из отцовского кабинета, и она складывала её

снова и снова, одержимо пытаясь сделать идеальный, совершенный самолетик, который сможет долететь до самого высокого потолка. Это было её убежище, её способ сбежать от реальности.

Из соседней комнаты доносились громкие, надрывные крики. Её родители снова ссорились. И это было не в первый раз, они ссорились почти каждый вечер, и каждый проклятый вечер маленькая Алиса сидела на холодном полу и сосредоточенно складывала свои бумажные самолетики, наивно надеясь, что, когда они взлетят, она тоже сможет улететь прочь. Улететь далеко-далеко, туда, где никто не кричит друг на друга, где нет этой невыносимой боли, которая разрывала её маленькое, неокрепшее сердечко на части. Она отчетливо слышала их голоса — папин, громкий, грубый и злой, и мамин, тонкий, плачущий и умоляющий. Она слышала, как папа со всей силы бьёт тяжёлым кулаком по столу, как мама громко всхлипывает и умоляет его остановиться, как что-то тяжёлое падает на пол с оглушительным грохотом. Но она не плакала. Она не могла позволить себе плакать. Если она заплачет, это будет означать, что она слабая, незащищенная девочка. А она не хотела быть слабой. Она хотела стать сильной. Она сжимала зубы и продолжала складывать бумагу.

Она сложила очередной, почти идеальный самолетик, поднесла его к своим губам, прошептала ему что-то очень важное, что никогда никому не говорила, и с силой запустила его в воздух. Самолетик неуклюже пролетел несколько метров, красиво покружился в воздухе и с глухим стуком упал на пыльный пол. Она взяла следующий лист бумаги и начала складывать его снова, ещё более сосредоточенно. Крики за стеной становились всё громче, всё надрывнее. Она слышала, как мама что-то с грохотом разбила, как папа закричал ещё громче, и она изо всех сил зажмурилась, заткнула уши ладонями, отчаянно пытаясь заглушить этот ужасный, душераздирающий шум. Но громкие крики проникали сквозь её тонкие пальцы, сквозь нежную кожу, сквозь саму её уязвимую детскую душу. Она чувствовала себя беспомощной и одинокой.

Сцена мгновенно исчезла, и Алиса снова стояла в центре бескрайнего поля. Она тяжело и прерывисто дышала, а на её глазах блеснули крупные, невыплаканные слезы. Это воспоминание было настолько реальным, настолько настоящим. Она действительно сидела там, на холодном полу, и складывала свои бумажные самолетики, пока родители выясняли отношения. Она никогда и никому не рассказывала об этом. Даже самым лучшим психологам, к которым она ходила после аварии. Но эта странная, всевидящая система увидела это. Система знала все её самые потаённые тайны. Она почувствовала, как внутри неё поднимается волна стыда и боли.

— Что это? — прошептала она дрожащими губами, оглядываясь по сторонам. — Откуда ты знаешь об этом? Откуда ты вообще взялась?

— Я знаю всё, — раздался спокойный, нейтральный, лишённый эмоций голос прямо в её голове. Он был безликим и механическим, но в нём чувствовалась странная, успокаивающая теплота, как у старого, верного друга, который знает все её сокровенные секреты. — Я — система. Я — твоё собственное, глубинное сознание. Я вижу то, что ты так тщательно прячешь от самой себя, в самых тёмных уголках своей души. Я показываю тебе то, что ты должна увидеть и принять, чтобы двигаться дальше. Это необходимо для твоего исцеления.

— Кто ты? — испуганно спросила Алиса, снова оглядываясь, пытаясь увидеть того, кто с ней говорит. — Ты — Глеб?

— Нет, — бесстрастно ответил голос. — Я — не Глеб. Я — голос самой системы. Я — тот, кто направляет тебя по верному пути. Я — твой личный проводник в этом мире. Ты должна идти к Великому Древу. Ткач уже давно ждёт тебя. Не бойся, я буду с тобой.

— Ткач? — переспросила Алиса, вспоминая слова Глеба. — Глеб говорил мне о Ткаче. Он сказал, что я — ткачиха. Что я должна сама соткать свой собственный, уникальный узор.

— Да, ты — ткачиха, — подтвердил безликий голос. — Но есть и Тот, кто начал этот великий процесс. Ткач — это единое сознание первых пяти, которые не смогли выйти. Они слились воедино, став неразрывными нитями его грандиозного полотна. Ты — шестая, Алиса. Ты должна соединиться с ними в единое целое. Ты должна обрести свой собственный, уникальный узор.

Алиса почувствовала, как внутри неё поднимается холодная, липкая волна тревоги. Первые пять. Глеб говорил ей о них. Он сказал, что они вошли в систему, но никто из них так и не вернулся обратно в реальный мир. Но он не сказал ей, что они навсегда стали частью какого-то таинственного Ткача. Что они навсегда потеряли свою индивидуальность, своё «я». Она представила себя на их месте, растворённой в чужом сознании, и ей стало дурно.

— Я не хочу становиться частью кого-то! — с отчаянием воскликнула она, сжимая кулаки. — Я не хочу растворяться в чужом сознании. Я хочу просто выйти отсюда и забыть все это! Я хочу вернуться к своей жизни!

— Чтобы выйти из этого мира, — терпеливо объяснил голос, — ты должна найти седьмую, особенную нить. Она спрятана глубоко, в самом центре лабиринта. Только тот, кто полностью поймёт собственную, уникальную ткань, кто примет все свои страхи и слабости, сможет увидеть её и коснуться её. Это единственный путь. Другого нет.

— И как я могу это сделать? — спросила Алиса, чувствуя, как её сердце бешено колотится в груди. Она была готова на всё, лишь бы выбраться отсюда.

— Иди к Великому Древу, — повторил голос. — Ткач ждёт тебя там. Он покажет тебе верный путь. Он расскажет тебе то, что ты должна узнать.

Алиса подняла глаза и посмотрела на далёкий, туманный горизонт. Вдалеке, на самом краю поля, она наконец увидела его — огромное, величественное Древо, которое росло прямо в центре бескрайней равнины. Его толстые, переплетённые ветви были так плотно переплетены друг с другом, что напоминали не кору и листву, а плотно сотканное, затейливое полотно. Оно мощно тянулось вверх, к самому серому, безжизненному небу, словно пытаясь дотянуться до этой мрачной пелены и разорвать её, освободив мир от гнёта серости. Оно было одновременно прекрасным и пугающим, величественным и зловещим. Она решительно пошла к нему, чувствуя, что это её судьба.

Алиса шла по бескрайнему полю, и серебристая трава под её ногами загадочно шелестела, словно шептала ей что-то важное, что она не могла разобрать. Нити вокруг неё становились всё гуще и плотнее, и некоторые из них касались её плеч и головы, когда она проходила мимо. Она чувствовала их невесомое прикосновение, и по её коже пробегали тысячи мурашек. Она начинала понимать, что каждая нить — это неотъемлемая часть её самой, и она чувствовала,

как они вибрируют, откликаясь на её приближение. Она больше не боялась их, она чувствовала с ними связь.

Вдалеке, на самом горизонте, она заметила какие-то странные, неясные тени. Они медленно и неуклюже двигались по полю, но у них не было лиц. Вместо привычных, человеческих лиц у них была лишь гладкая, серая, как у манекенов, поверхность. Они двигались неуверенно, словно слепые, но неумолимо приближались к ней. Алиса почувствовала, как ледяной, парализующий страх сжимает её сердце. Она сразу поняла, что это Пустые. Они двигались прямо к ней, и от них исходил такой пронизывающий холод, который проникал в самую душу. Она изо всех сил ускорила шаг, стараясь не смотреть на них, но они быстро приближались. Она перешла на бег, но трава под её ногами стала скользкой, как лёд. Она бежала, не оглядываясь, и Великое Древо с каждым мгновением становилось всё ближе.

Когда она, запыхавшись, добежала до Древа, она упала на колени прямо у его могучих корней, чувствуя, как бешено колотится её сердце. Она подняла голову и впервые увидела его — Ткача. Он сидел на переплетённых корнях Древа, скрестив ноги по-восточному, и его длинные, тонкие пальцы ловко перебирали бесчисленные нити, спускающиеся с раскидистых ветвей. Он был высоким и необычайно худым, его лицо было скрыто глубоким капюшоном. Но она отчётливо чувствовала, что он пристально смотрит на неё. От него исходила странная, древняя сила.

— Ты пришла, — сказал он, и его голос звучал, как шорох сухих осенних листьев, как тихий шелест дорогой ткани. — Я так долго ждал тебя, Алиса. Я знал, что ты придёшь.

Алиса с трудом поднялась на ноги, чувствуя, как дрожат её колени, и с вызовом посмотрела на него. Она не знала, что сказать, но она знала, что должна задать ему самый главный вопрос, который мучил её с самого начала этого безумного путешествия.

— Кто ты? — требовательно спросила она, стараясь, чтобы её голос звучал твёрже. — Зачем ты меня сюда позвал?

— Я — все, кто был до тебя, — таинственно ответил Ткач. — Я — их общая память, их невыносимая боль, их последняя надежда. Я — тот узел, который связывает разрозненные нити в единое целое. Я — то, что навсегда осталось от первых пяти смельчаков. Я — хранитель этого мира.

— А что с ними случилось? — настойчиво спросила она, делая шаг вперёд. — Почему они не вышли обратно? Что удерживает их здесь?

— Потому что они потеряли контроль над собой, — печально ответил Ткач. — Они позволили своим самым глубоким страхам и сокровенным желаниям взять над ними верх. Они не смогли справиться с той всепоглощающей болью, которую несли в себе. Они приняли меня, слились со мной, потому что просто не видели другого выхода из своего безысходного положения. Они выбрали забвение.

— А я не приму! — с отчаянной решимостью заявила Алиса, сжимая кулаки. — Я не сольюсь с тобой! Я найду выход! Я обязательно найду ту самую, седьмую нить и выберусь отсюда! Я не сдамся!

Ткач замолчал, и в его гнетущем молчании было что-то невыразимо древнее, что-то бесконечно мудрое и одновременно пугающее до дрожи. Он долго смотрел на неё, и в его взгляде была какая-то странная смесь надежды и обречённости.

— Тогда иди, — наконец сказал он, и в его голосе послышалась усталая обречённость. — Иди и смотри внимательно. Касайся всех нитей. Принимай свои страхи, не убегай от них. И тогда ты обязательно найдёшь свой путь к свободе. Но помни, путь этот будет долгим и трудным.

Алиса решительно развернулась и пошла прочь от мрачного Древа. Она знала, что её долгий и трудный путь только начинается. Но она была полна решимости. Она была готова встретиться со своими самыми страшными страхами лицом к лицу, готова принять свою мучительную боль и превратить её в свою величайшую силу. Она была готова стать настоящей ткачихой собственной неповторимой судьбы. Она сделала глубокий вдох и твёрдо пошла вперёд.

Она твёрдо пошла по полю, и воздушные нити вокруг неё становились всё гуще и плотнее. Теперь они висели не только с мрачного неба, но и между высокими травинками, и Алиса начинала понимать, что каждая из них ведёт к чему-то очень важному. Она касалась их одну за другой, и каждая из них показывала ей новый, яркий фрагмент её собственной жизни. Она видела свой первый, волнительный день в школе, когда она плакала, потому что мама ушла и оставила её одну с чужими людьми. Видела свой первый профессиональный успех на работе, когда её похвалил строгий начальник. Видела свой первый поцелуй, который был сладким и одновременно горьким от предчувствия скорого расставания. Она видела моменты ослепительного счастья и моменты глубокой, всепоглощающей боли, и каждый из этих моментов был важной, неразрывной нитью в сложной ткани её жизни. Она проживала их заново, чувствуя каждую эмоцию.

Она шла по полю, и её сознание медленно заполнялось этими яркими образами, как будто она перелистывала страницы книги, которую сама же и написала. Она видела, как её отец собирал вещи и навсегда уходил из дома, как мама тихо плакала на кухне, как её первая любовь безжалостно разбила её неокрепшее сердце. Она видела, как она сидела в пустой, холодной квартире, чувствуя, что весь мир рушится вокруг неё. Но она также видела моменты своей невероятной силы — когда она находила в себе мужество вставать после тяжёлых падений, когда она продолжала упрямо идти вперёд, несмотря на невыносимую боль, когда она смеялась сквозь слёзы, даже когда хотелось просто лечь и умереть. Все это была её жизнь. Все это была её ткань. Она принимала её целиком.

Но среди ярких нитей были и тёмные, мрачные. Они висели на периферии, почти незаметные на первый взгляд, но Алиса отчётливо чувствовала их зловещее присутствие. От них исходил ледяной, пронизывающий холод, и она знала, что в них спрятана её самая глубокая, самая страшная боль. Она старательно избегала их поначалу, но настойчивый голос в её голове не унимался, подталкивая её вперёд.

— Ты должна коснуться их. Они — неотъемлемая часть тебя. Ты не можешь вечно убежать от себя самой. Только приняв их, ты станешь цельной.

Алиса с замиранием сердца остановилась перед одной из самых тёмных нитей. Она была почти абсолютно чёрной, и от неё исходил такой сильный холод, что он проникал сквозь кожу,

до самых костей. Она с огромным усилием протянула дрожащую руку и коснулась её ледяной поверхности.

Она снова очутилась в старой машине. Была глубокая, тёмная ночь. Дождь. Она сидела на пассажирском сиденье, и рядом с ней за рулём сидел молодой, весёлый мужчина. Её парень. Он был пьян, очень пьян, и вёл машину невероятно быстро, с безумной, смертельной лихостью. Она умоляла его остановиться, но он не слушал. Он громко смеялся и говорил ей, что она просто трусиха. Он называл её трусихой и продолжал давить на газ. А потом они страшно врезались в придорожное дерево. Удар был такой силы, что Алиса почувствовала, как её тело, словно тряпичную куклу, выбрасывает через лобовое стекло, как она летит по мокрому, холодному асфальту, как мир вокруг неё медленно, но неумолимо становится чёрным. Она чувствовала боль, холод и страх.

Она с огромным трудом вынырнула из этого кошмарного воспоминания, тяжело и прерывисто дыша. Она помнила эту аварию. Это случилось, когда она была ещё совсем юной, глупой девчонкой. Её парень разбил машину, но они оба тогда чудом выжили. Она никогда и никому не рассказывала об этом, даже своим родителям, потому что безумно боялась, что её накажут и запретят с ним встречаться. Она похоронила это воспоминание глубоко внутри себя, но всевидящая система безжалостно нашла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.